

Череванский Владимир Павлович

Две волны

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В57

В57 **Владимир Павлович Ч.**
Две волны: Часть 1 / Череванский Владимир Павлович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 339 с.

ISBN 978-5-521-29998-0

ISBN 978-5-521-29998-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Существенными пособіями настоящему труду послужили сокровища Императорской Публичной бібліотеки, частныя книгохранилища и многія изслѣдованія иностранныхъ писателей. Вопреки принятому обычаю, авторъ не дѣлаетъ на нихъ ссылокъ и не приводитъ ихъ въ особомъ спискѣ, желая тѣмъ придать своему труду удобочитаемость и отстранить отъ него требованія строгаго историческаго характера. Послѣднія онъ нарушаетъ уже и тѣмъ, что, не останавливаясь на одномъ изъ трехъ типовъ исторіи: по наблюденіямъ очевидцевъ, по преданіямъ и по лѣтописямъ—прибѣгаетъ къ помощи, послѣ необходимаго критеріума, крайне разностороннихъ и по времени и по источникамъ матеріаловъ. Во всякомъ случаѣ, онъ свидѣтельствуешь, что отъ его вниманія не ускользнули: «Полное Собраніе Русскихъ лѣтописей», «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ», «Извѣстія Императорской Академіи Наукъ», «Разрядныя книги Московскаго Архива М. Ин. Д.», «Дѣла Крымскія», «Книга Большаго Чертежа», а также труды Казанской Духовной Академіи, Археологическаго, Географическаго и др. уч. обществъ. Не забыты авторомъ и такіе почтенные иностранцы, какъ Банзаровъ или лама Гомбаевъ, какъ не забыты о. Іакинфъ, В. В. Григорьевъ, И. И. Березинъ, А. К. Казамбекъ и П. С. Савельевъ и академики Я. Шмидтъ и Ф. Миллеръ. Исторія рус. церкви и нумизматика представили ему чрезвычайно цѣнныя матеріалы, которыми онъ обогатился также въ сказаніяхъ, въ былинахъ, въ пѣсняхъ и въ картинахъ рус. народнаго творчества.

Не ограничиваясь отечественными источниками, авторъ не разъ воскрешалъ въ памяти, по трудамъ и лѣтописямъ (въ переводахъ) Шерифъ-эд-дина, Рашидъ-эд-дина, Абульфараджи или Абулгази, обстоятельства и случаи, когда «міродержцы приходили, разрушали, грабили и возвращались побѣдителями». Памфлетистъ Арабъ-шахъ, высланный противъ ненавистнаго ему Тимуръ-ленга легіоны злыхъ геніевъ, служилъ автору противовѣсомъ льстивымъ

панегиристамъ, подкупленнымъ блескомъ счастливаго завоевателя. Вообще-же автору приходилось часто задумываться надъ противорѣчіями между самими первоисточниками, начиная отъ «секретной исторіи династіи Юань» и продолжая хрониками Гонзалеса де-Клавиго, Марка Поло, Плато Карпини или монаха Рубруквиса. Изъ списка своихъ сотрудниковъ онъ не исключилъ и инокъ Магакія, и доминиканца де-Люка, и армянскихъ лѣтописцовъ и даже пускавшася въ литературу ногайскаго князька. Что-же касается до Шлоссера, аттестовавшаго Тимуръ-ленга кровожаднымъ тигромъ, то онъ примиренъ авторомъ, насколько возможно, съ Гиббономъ, видѣвшимъ въ томъ-же Тимурѣ только честолюбца съ возвышенными стремленіями.

Авторъ не поскупился причислить къ литературному отбросу множество сказаній и лѣтописей, поражающихъ анахронизмами или явною несообразностью, въ родѣ «Тождества пресвитера Іоанна и Царя Давида съ Чингисъ-ханомъ»,—или хотя-бы и недавнюю претензію японцевъ, ощутившихъ надобность въ отечественныхъ геніяхъ крови и желѣза и признавшихъ, поэтому, Чингисъ-хана японскимъ юристомъ-эмигрантомъ.

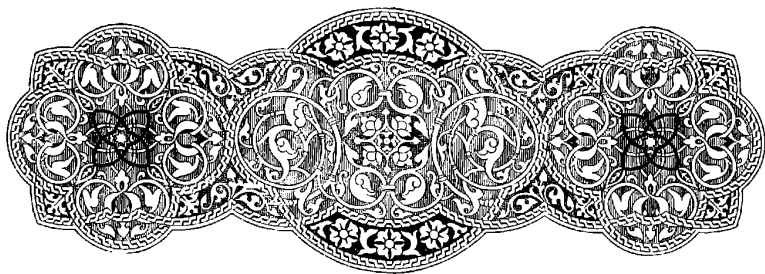
Отъ себя авторъ внесъ въ настоящій трудъ наблюденія и впечатлѣнія, какія онъ могъ усвоить лично, при долговременномъ пребываніи въ странахъ чингисидовъ и тимуридовъ. Обстоятельства позволили ему многое видѣть и слышать—на развалинахъ Отрара, на регистанѣ Самарканда, подъ куполомъ Ахметъ-Ясави, въ остаткахъ келій Биби-ханымъ и у гробницы Тимуръ-ленга. Въ оазисахъ Туркменіи, гдѣ чингисиды и тимуриды пролили моря крови, онъ прошелъ частью тѣми-же дорогами, по которымъ двигались ураганы ихъ конницы. Къ тому-же, вѣка и стихіи не сравнивали еще съ землею ни Чупанъ-Ата, ни Аеросіаба, служившихъ своего рода подножіями потрясателямъ земли. Туркестанскіе ходжи и хаджи и строгіе суфи бывали у автора много лѣтъ желанными и откровенными

гостями. Такъ называемые изувѣры—послѣдователи секты джагриі—добросовѣстнѣйшимъ образомъ охраняли его покой въ глухой окраинѣ большого мусульманскаго города. Послѣдніе беки, правившіе родиною Тимуръ-ленга, часто дѣлились съ нимъ воспоминаніями о прошедшей жизни Мавераннагра.

Обиліе матеріаловъ дало автору возможность ввести въ программу его труда только главнѣйшихъ чингисидовъ и тимуридовъ и болѣе важные результаты ихъ дѣятельности. Сотни-же военныхъ стычекъ и толпы менѣе значительныхъ монголо-тюркскихъ владѣтелей и авантюристовъ выпущены имъ, какъ оставленные за флагомъ суровыми требованіями историческаго рока.

Въ цѣляхъ удобочитаемости, онъ избѣгнулъ затерявшейся въ отдаленномъ прошедшемъ географической терминологіи, которая заставила - бы его переименовывать постепенно Хазарское море въ Мазандеранское, потомъ въ Синее и наконецъ въ Каспійское, или pp. Оксусъ и Яксартъ—въ Ссйхунъ и Джейхунъ, чтобы разоблачить ихъ подъ теперешними названіями Сыра и Аму. Преслѣдуя ту-же цѣль, онъ замѣнилъ многочисленныя даты, составленною имъ подробною хронологіей—которой, увѣ, не нашлось въ составѣ русской литературы—событій, сопутствовавшихъ жизнедѣятельности чингисидовъ и тимуридовъ и борьбѣ Россіи съ татаро-монголами.

Авторъ.

I.

КОРЕННАЯ МОНГОЛІЯ.

(XII стол. хр. эры).

Въ XII-мъ вѣкѣ христіанской эры и въ VI-мъ мусульманской монголы не имѣли собственныхъ писемъ. Они черпали исторію своего происхожденія и развитія частью изъ устныхъ преданій, частью изъ источниковъ китайскихъ и татарскихъ. Источники эти были однако настолькоъ фантастичны, что даже грубый разумъ номада останавливался передъ вопросомъ: какъ могло случиться, что его предки произошли отъ союза бурега волка съ сивою ланью? Впрочемъ татары оставили это преданіе за китайцами, а сами произвели монголовъ отъ пророка Іафета, явившагося на землю однимъ изъ Божіихъ посланниковъ. Послѣ остановки ковчега на горѣ Джуди, Іафетъ получилъ отъ отца три предмета: камень, посредствомъ котораго можно производить дождь, начертанное на этомъ камнѣ таинственное имя Божіе и все пространство земли между нынѣшними рр. Сыръ и Аму. Изъ этихъ трехъ предметовъ знаніе таинственнаго имени Божьяго было, разумѣется, наиболѣе цѣнно, такъ какъ однимъ произнесеніемъ Его доступно производить чудеса. До появленія

Мухаммеда оно открывалось только Адаму, Ною, Иафету, Аврааму, Моисею и Иисусу Христу. Соломонъ не зналъ этого имени, но оно было скрыто въ его перстѣхъ, почему онъ, повѣлявая таинственными духами, зналъ во всякое время, что дѣлается въ отдаленныхъ земляхъ.

По тѣмъ же татарскимъ преданіямъ, въ пятомъ колѣнѣ Иафета родились два близнеца, названные Татаромъ и Монголомъ. Первому досталась средняя Азія, а второй отправился искать счастья на р. Ононъ. Онъ былъ мусульманиномъ по одному тому уже, что все люди родятся мусульманами и только потомъ совращаются въ вѣру Сына Маріи, или Будды, а еще непростительнѣе—въ вѣру маговъ и чародѣевъ. Последнее несчастіе случилось и съ Монголомъ, который, придя на р. Ононъ, вручилъ свою душу кудесникамъ, и, обойдя вѣру Пророка, осудилъ весь свой родъ на вѣчныя муки въ аду.

Кудесники были однако настолько сильны, что выпросили у Неба и его подручныхъ боговъ быстрое размноженіе потомства Монгола. Оно покрыло ко времени, когда несомнѣнная исторія вступила въ свои права, всю площадь между рр. Амуромъ и Иртышомъ. Но всетаки берега р. Ононъ, вытекающей изъ Яблоноваго хребта и впадающей въ р. Аргунь, чтобы образовать р. Амуръ, останутся навсегда колыбелью монголовъ. Площадь эта со множествомъ рѣкъ, берущихъ начало въ нѣдрахъ Алтайскаго и Хинганскаго хребтовъ, представляетъ и теперь все удобства жизни непритомливому номаду. Впрочемъ послѣдній, занятый примноженіемъ стадъ, примиряется даже съ печальною степью, какова Гоби, принимающая на свое скудное пропитаніе наименѣе требовательныхъ пастуховъ.

Жилище богатаго монгола XII-го вѣка едва ли чѣмъ отличалось отъ пынѣнпей войлочной юрты—и бѣдняка—отъ землянки или тростниковой лачуги. Юрта состояла изъ деревяннаго рѣшетчатого остова, поставленнаго на землю, смотря по состоянію владѣльца, большимъ или меньшимъ кругомъ. Верхъ этого жилья покрывался войлокомъ въ видѣ большого дождеваго зонтика съ отверстіемъ, изъ котораго клубился дымъ семейнаго очага.

Юрта дѣлилась на двѣ половины—семейную и парадную. На семейной половинѣ хранилась утварь въ видѣ выдолбленныхъ чурбанчиковъ для храненія кумыса, пузырей съ коровинымъ масломъ, охапокъ тряпья въ видѣ постели, больныхъ телятъ и нѣсколь-

кихъ пенатовъ, повѣшенныхъ рядомъ съ кусками вяленой конины на крючкахъ рѣшетки. Въ парадной половинѣ красовались рога, замѣнявшіе стаканы и бокалы, оружіе хозяина и его дѣтей: лукъ, стрѣлы, веревки, сѣдла съ стременами, сплетенными изъ ивы и связки лисьихъ и волчьихъ шкуръ. Неоприятѣйшій въ мірѣ человѣкъ—китаецъ—закрываетъ и теперь, при входѣ въ юрту монгола, ность, что указываетъ, какова была атмосфера въ этой юртѣ нѣсколько вѣковъ тому назадъ....

Въ жизни номада, всѣ заботы по хозяйству лежали на женщинѣ. Она готовила изъ молока не только пріятнѣйшій изъ напитковъ—кумысъ, но и сухой творогъ—крутъ, сослужившій потомъ, когда монголы вошли въ воинственный ражъ, неоцѣненную службу. Она же собирала арголы—животный пометъ—для топлива, мяла кожи, валяла войлокъ и снаряжала своего господина на охоту или въ гости.

Ея господину выпадала болѣе пріятная участь: онъ гонялъ стадо на водопой, училъ сына стрѣльбѣ изъ лука, охотился и бесѣдовалъ съ друзьями, смотря по настроенію, о поступкахъ Неба и его геніевъ или о набѣгахъ на оплошныхъ сосѣдей....

Монголія исповѣдывала въ ту пору шаманство и почитала кудесничество шамановъ божественнымъ установленіемъ. Троица изъ Неба, Земли и Огня управляла всѣмъ видимымъ и всѣмъ скрытымъ отъ взоровъ человѣка.

Небо монголъ почиталъ высочайшимъ существомъ и первоисточникомъ жизни, отъ союза котораго съ Землею родился Огонь. Небо видѣло всѣ поступки человѣка и знало всѣ его помысленія. Безъ его милости человѣкъ не могъ благоденствовать и безъ его покровительства геніи зла искоренили бы всю вселенную. За неправды и оскорбленія оно разражалось засухой, громомъ, саранчею, оспою и другими болѣзнями....

Земля по отношенію къ Небу играла женскую роль и, обладая притягательною силою, обогащала людской родъ своею вѣчно возобновляющеюся производительностью. При равенствѣ Неба и Земли, какъ отца и матери, монголъ преподносилъ имъ равноцѣнные жертвы, сопровождая ихъ только молитвами различнаго содержанія.

Огонь—произведеніе Неба и Земли, какъ искра—произведеніе стали и кремня,—пользовался благоговѣйнымъ преклоненіемъ монгола. За оскорбленіе Огня полагалась смертная казнь. Не

только грѣхомъ, но и преступленіемъ считалось бросить въ Огонь какое нибудь нечистое вещество, плюнуть въ него или погасить его водою. Никто, даже изъ неразумныхъ дѣтей, не осмѣлился бы замахнуться на Огонь или бросить въ него ножомъ, камнемъ или костью.

За тремя главными божествами слѣдовали Тэнгри — геніи, существа невидимыя, духовныя, обитающія въ воздухѣ, по преимуществу на горныхъ вершинахъ. Будучи добрыми и злыми, они одинаково вліяли на судьбу человѣка и требовали отъ него дани и покорности. Иногда Небо передавало имъ свои атрибуты — громъ и молнію — и тогда геніи уподоблялись міродержцамъ. Въ разрядѣ геніевъ поступали всѣ души умершихъ шамановъ.

Слѣдующую серію божествъ занимали домашніе пенаты, но эти были не только видимы, но и выходили изъ рукъ человѣка. Хозяинъ юрты могъ наготовить ихъ, сколько угодно, — изъ коры, узловатыхъ древесныхъ сучковъ и даже изъ раскрашеннаго войлока. Они охраняли его стада отъ болѣзней и нападенія дикихъ звѣрей, придавали ему храбрость, а его женѣ — красоту и многоплодіе.

Озера и рѣки и даже базальтовые утесы были также священны. Байкаль пользуется и по настоящее время, несмотря на то, что черная вѣра давно уже вытѣснена въ Монголіи желтою вѣрою, — такимъ же обожаніемъ какъ и р.р. Ононъ и Селенга. Оскорбленіе Воды считалось даже нѣкоторыми законниками равносильнымъ оскорбленію Огня.

Всѣ божества могли быть умилостивляемы жертвоприношеніями. Обо — жертвенникъ — могъ быть устроенъ каждымъ человекомъ, на всякомъ мѣстѣ, но предпочтительно на горной вершинѣ или возлѣ многолюдной дороги. Шестъ, воткнутый въ кучу камней, былъ знаменемъ обо, на него каждый прохожій могъ повѣсить шкурку бурндука или хорька, лоскутокъ своего платья или хотя бы прядку волосъ изъ гривы своего коня. Болѣе зажиточные устраивали обо изъ насыпи, въ которую зарывали — въ честь Неба и его геніевъ — платье, посуду, шелковыя ткани, изображенія звѣрей и птицъ. Вообще жертвоприношенія были крайне разнообразны: одному божеству требовалось осящешное шаманомъ мясо, другому плоды, а Огню непременно — вино и масло. Хорошо вѣровавшій человѣкъ, пачиная ѣду, считалъ душевною потребностью подѣлиться крошками или каплями съ Огнемъ, какъ

съ божествомъ, уничтожающимъ не только дурныя дѣла, но и коварныя замыслы враговъ.

Время накопило въ Монголіи столько божествъ, что богатый человѣкъ, пожелавшій однажды почтить всѣхъ своихъ покровителей, долженъ былъ принести триста тридцать жертвъ. Ему пришлось подѣлиться своими приношеніями, сверхъ Неба, Земли, Огня и Воды,—съ Царемъ страны, съ Царемъ горы, съ Духами видимыхъ холмовъ, съ Духами, носившимися эхомъ надъ водами и съ цѣлымъ рядомъ божествъ, проявившихъ свою власть даже въ образѣ рыскавшихъ по степи волковъ.

Но вообще монголъ просилъ у своихъ покровителей—богатства, здоровья и побѣды надъ врагомъ и мало заботился—о душѣ и загробной жизни. Заботы о земномъ заставляли его кланяться и камню, если онъ могъ свалиться на голову и медвѣдю—заочно,—если ожидали отъ него непріятнаго посѣщенія. Впрочемъ, если волкъ попадалъ въ руки монгола, то послѣдній сдиралъ съ него кожу и старался оставить его въ степи хотя на одиѣ сутки живымъ, въ видѣ угрозы всему его хитцному роду.

Шаманство царило въ Монголіи во всей полнотѣ, хотя шаманамъ и приходилось уже улавливать вѣсти о приближеніи буддизма. Они видѣли какъ на вершинахъ горъ открылись монастыри съ людьми, одѣтыми въ желтое платье. То были ламы, пришедшіе изъ Тибета. За ними появились и христіане, послѣдователи Несторія, расселившіеся по Азій вслѣдъ за осужденіемъ его на ефесскомъ соборѣ. Но шаманство крѣпилось и отступало передъ новыми ученіями медленно, шагъ за шагомъ.

Бытовые обряды того времени были далеко проще теперешнихъ, предписываемыхъ частью буддизмомъ, частью господствующими нравами Китая. Впрочемъ и тогда уже монголъ не смѣлъ жениться на родной матери. Многоженство существовало съ тѣмъ же раздѣленіемъ, какъ и теперь—на старшую хозяйку и ея младшихъ помощницъ. Теперь монголъ выполняетъ длинный рядъ церемоній прежде чѣмъ ввести избранницу сердца въ свою юрту. Этому событію предшествуетъ обрученіе, которое считается состоявшимся, когда въ собраніи родныхъ и друзей женихъ подаетъ отцу невѣсты монету въ чашкѣ съ виномъ и отецъ осушить этотъ бокаль. Тогда лама назначаетъ счастливый день бракосочетанія. Въ этотъ день, чуть займется заря, партія жениха вступаетъ въ фиктивную борьбу съ партіей невѣсты. Затѣмъ послѣ

непремѣнной побѣды жениха начинается пиръ съ музыкой, пѣніемъ и сказаніями о славныхъ герояхъ прошедшаго — Чингисъ-ханъ и Тимуръ-ленгъ, обратившихся у бардовъ Монголіи въ эпическихъ богатырей. Тогда еще не было этихъ богатырей на свѣтѣ, не было и музыки, но охмѣляющіе напитки лились и тогда изобильно изъ обдѣланныхъ въ бокалы объемистыхъ роговъ.

Разводы были и тогда просты, какъ и теперь. Мужъ могъ отослать свою жену къ ея роднымъ во всякое время и безъ всякаго повода. Онъ терялъ только подарки и расходы по угощенію, а жена его могла выйти замужъ за другого избранника хотя бы въ день полученнаго развода.

Едва ли монгольская женщина подурнѣла или сдѣлалась красивѣе къ нынѣшнимъ временамъ. Веди дѣятельную жизнь и одѣваясь одинаково съ мужчиною, она немногимъ отличалась отъ вышности послѣдняго. Отличіемъ служили только косы, ниспадавшія непремѣнно на грудь и, разумѣется, не украшенныя тогда какъ теперь — въ юртѣ богатаго хозяина — побрякушками изъ монетъ, металлическихъ пластинокъ, жемчуга и коралловъ. Раковины, кабаньи клыки и пробуравленные камешки алтайскихъ породъ отлично замѣняли тогда нынѣшнія дорогія запястья. Несомнѣнно, что и въ ту пору находились поэты, хотя и предпочитавшіе слагать оды въ честь хорошихъ лошадей, но не отказывавшіеся прославлять и женскую красоту; по крайней мѣрѣ, по одному изъ перловъ поэзіи того времени, прародительница чингисидовъ была такъ прекрасна, что отъ одной ея улыбки—«сухое дерево пускало листья и голая земля покрывалась травою». Монголы никогда не требовали и не знали приданаго, потому что сама невѣста была цѣнностью, за которую женихъ обязанъ былъ расплатиться съ родителями—мѣхами, лошадьми, овцами и—только по бѣдности—менѣе цѣнными мѣновыми знаками.

Погребальные порядки, какъ и свадебные, служатъ педурными показателями внутренняго содержанія народной жизни. Раздѣленіе на бѣдныхъ и богатыхъ сказывается въ величій или мизерности погребенія даже сильнѣе, чѣмъ въ другихъ обрядовыхъ явленіяхъ. Замѣчательно, что въ теченіе многихъ вѣковъ монголы нисколько не усилили заботы о своемъ тѣлѣ и выразится о немъ въ наше время такъ же пренебрежительно, какъ говорилъ и прежде: «тѣло человѣка есть вещь гнилая и ничего нестоющая».—Умоляли свои божества о дарованіи здоровья, онъ совер-